

Интердискурсивность биофикционального повествования: образ Петербурга в романе М. Брэдбери «To the Hermitage»

Н. А. Урусова[✉]

НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

✉urusova308@gmail.com

Введение. Настоящее исследование посвящено специфике реализации интердискурсивности как авторской стратегии текстопорождения в постмодернистском художественном биографическом повествовании (биофикции). Актуальность работы обусловлена интересом современной лингвистики к характеру взаимодействия различных типов дискурса в тексте художественного произведения. Также актуальным представляется исследование не до конца изученных механизмов авторской репрезентации инокультурного контекста, в частности, особенностей моделирования образа русского города в англоязычном повествовании. Научная новизна исследования связана с выбором для анализа биофикционального текста, конститутивные особенности которого изучены еще не полностью.

Методология и источники. Материалом исследования послужил текст англоязычного постмодернистского романа-биофикции М. Брэдбери «To the Hermitage» («В Эрмитаж»), повествующий о поездке Д. Дидро в Петербург по приглашению Екатерины Второй, а также о современной экспедиции (конец XX в.) с целью изучения наследия французского философа. Для понимания междискурсного взаимодействия использовалась методика, разработанная В. Е. Чернявской и предполагающая выявление содержательно-тематических блоков в ткани текста.

Результаты и обсуждение. При анализе художественного пространства данного биофикционального текста были выявлены такие «центральные текстоформленные» дискурсы, как англоязычный дискурс описания русской культуры, исторический, политический, автобиографический дискурсы. Также в текстовой ткани наблюдаются проекции «периферийных» дискурсов, а именно: экономического, литературного, французского разговорного и некоторых других.

М. Брэдбери использует стратегию целенаправленно инсценируемой интердискурсивности с целью персуазивного воздействия на читательское сознание, а также для вовлечения читателя в рефлексивную игру в семантическом поле «фактологичность–фикциональность».

Заключение. Проведенное исследование установило, что интердискурсивность является одной из доминантных авторских стратегий построения биофикционального повествования, которая отражает основные особенности текстов, созданных в постмодернистской парадигме: смешение литературных жанров, игровой монтаж различных дискурсов и ироничный тон.

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивность, стратегия инсценируемой интердискурсивности, исторический дискурс, англоязычный дискурс русской культуры, автобиографический дискурс, постмодернизм.

Для цитирования: Урусова Н. А. Интердискурсивность биофикционального повествования: образ Петербурга в романе М. Брэдбери «To the Hermitage» // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 119–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-119-130

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 07.04.2021; принята после рецензирования 28.04.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Interdiscursivity of Biofictional Narration: the Image of Petersburg in M. Bradbury's "To the Hermitage"

Nadezhda A. Urusova✉

Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

✉urusova308@gmail.com

Introduction. The present paper deals with the interdiscursivity in postmodern literary biographic narration (biofiction) in which interdiscursivity is viewed as the author's strategy of text formation. The relevance of the study is conditioned by the interest of modern linguistics in interaction of different discourse types in literary texts. It is also relevant to study different techniques that the English author uses to represent an external linguocultural context, namely, to create the image of a Russian city in the English-language narration. The novelty of the research is implied by the choice of material under examination, as the constitutive elements of biofictional narration have not been fully defined yet.

Methodology and sources. The study is drawn on M. Bradbury's English-language postmodern biofictional novel *To the Hermitage*. This biofiction depicts D. Diderot's trip to St. Petersburg, where he was invited by Catherine the Great. It also recounts the adventures of a modern expedition, which came to the same destination to study the French philosopher's heritage. The research of discourse interaction is based on a methodology, developed by V. Chernyavskaya. It combines traditional methods of stylistic analysis with discourse analysis.

Results and discussion. While analysing the literary space of the biofiction, the following "central" discourses have been identified: Russian-culture-oriented discourse of English as well as historical, political, and autobiographical discourses. The narration is also rich in traits of "periphery" discourses, to name just a few: economical, literary, colloquial French, etc. M. Bradbury uses the strategy of simulated interdiscursivity to make a persuasive impact on a reader's mind, at the same time involving the reader in fact-fiction semantic game.

Conclusion. The analysis highlighted here proved the fact that interdiscursivity is one of the dominant mechanisms an author uses to construct biofictional narration. This strategy reflects some key features of postmodern texts, such as blending of literary genres, a playful montage of different discourse types and ironic mode of narration.

Key words: discourse, interdiscursivity, strategy of simulated interdiscursivity, historical discourse, Russian-culture-oriented discourse of English, autobiographical discourse, postmodernism.

For citation: Urusova N. A. Interdiscursivity of Biofictional Narration: the Image of Petersburg in M. Bradbury's "To the Hermitage". DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 119–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-119-130 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 07.04.2021; adopted after review 28.04.2021; published online 24.09.2021

Введение. Интердискурсивность, понимаемая как взаимодействие различных дискурсов, является одним из относительно новых, но чрезвычайно востребованных понятий в современной лингвистике и литературоведении. Однако лежащее в ее основе понятие дискурса до сих пор не имеет однозначной трактовки в современной науке. Среди множества подходов к определению дискурса можно выделить два основных направления: рассмотрение

дискурса как когнитивно-коммуникативного события [1, с. 13–16; 2, с. 114] и как зоны фиксации значений [1, с. 7–13]. Именно второй взгляд на дискурс, восходящий к идеям М. Фуко, обозначавшего термином *discourse* социально и исторически обусловленную систему знаний, накопленных человечеством [3], представляется наиболее продуктивным для нашего исследования. Таким образом, дискурс рассматривается как совокупность текстов, объединенных общей темой, «в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [2, с. 117].

Важно отметить принципиальную открытость дискурса и, соответственно, текста как его фрагмента. В. Е. Чернявская предлагает рассматривать открытость текста «метасистеме дискурса» как текстовый признак, обеспечивающий целостность текста, называя его «дискурсивностью» [2, с. 125]. Именно с этим свойством текста связаны категории интертекстуальности и интердискурсивности, и текст, и дискурс существуют в «открытом семиотическом универсуме» [4, с. 344].

Традиционно под интертекстуальностью (узкая модель интертекстуальности [5, с. 107]) понимается маркированное заимствование элементов других текстов, называемых интертекстуальными включениями. И. В. Арнольд разделяла внешнюю интертекстуальность, при которой происходит смена субъекта речи, и внутреннюю интертекстуальность – «фиктивную», если текстовые включения принадлежат тому же автору [6, с. 422]. В когнитивно-дискурсивной парадигме последняя соотносится с дискурсом автора и дискурсом персонажа. Широкая, или радикальная, модель интертекстуальности, связанная с именами М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ю. Лотмана и других ученых, рассматривает текст как безграничный бесконечный интертекст и таким образом оказывается обращенной к дискурсу, т. е. к «тексту в совокупности с его широким экстралингвистическим – социокультурным, историческим, психологическим, прагматическим и т. д. – фундаментом и обогащенному “фактором адресанта и адресата”» [5, с. 107]. Интердискурсивность реализуется как взаимопроникновение различных типов дискурса, характеризующих разные области человеческого знания и практики, как «монтаж текстотипов», т. е. как «взаимодействие прототипических образцов», которое протекает не «бесшовно» [5, с. 108–109]. Очень продуктивно с этой точки зрения исследование художественных текстов, которые полидискурсивны по своей природе, являясь «зоной авторских артикуляций различных дискурсов» [1, с. 120].

Впервые понятие интердискурсивности было выдвинуто французским философом М. Пешё, который, развивая теорию «преконструкта» как отсылки к предшествующей внешней конструкции по отношению к тому, что «сконструировано» высказыванием, пришел к выводу о существовании «интердискурса» – «сложного целого с доминантой дискурсивных формаций» [7, с. 239, 266–267]. Е. В. Белоглазова назвала подобное широкое понимание интердискурса «радикальным» [8, с. 359], противопоставляя его узкой концепции маркированной интердискурсивности, предложенной В. Е. Чернявской [5]. «Шов» на стыке дискурсов может располагаться как на поверхностном (языковом), так и глубинном (когнитивном) уровне дискурса [8, с. 360].

В. Е. Чернявская выделяет естественную и инсценируемую смену дискурсов. Последняя трактуется как особая стратегия автора, «осознанно и целенаправленно решающего задачу формулирования своего текста» [5, с. 108]. Данная стратегия текстопостроения может иметь разные функции – контактоустанавливающую, эмотивную, игровую, вовлекающую в интеллектуальное взаимодействие [9, с. 805], и особенно характерна для авторов постмодернистских повествований. Н. С. Олизько считает интердискурсивность одной из категорий именно постмодернистского письма, рассматривая ее не только как взаимную связь «художественного дискурса постмодернизма с различными дискурсами», но и с другими видами искусства как знаковыми системами в пространстве семиосферы [10, с. 99]. Это мнение поддерживает и З. М. Чемодурова, утверждая, что постмодернистские художественные тексты представляют собой зону «пародийно-игрового пересечения, взаимоналожения, интеграции различных дискурсов» [11, с. 76].

Большинство исследователей постмодернизма [11–13], отмечают, что для постмодернистской парадигмы характерны гибридные литературные формы; фрагментарность повествования; игровой, в том числе цитатно-пародийный, монтаж различных дискурсов; растворение голоса автора в используемых дискурсах; ироничный тон и пародия. Одной из таких гибридных форм, получившей широкое распространение в конце XX – начале XXI вв., является вымышленное биографическое повествование, которое многие ученые [14] обозначают термином «биофикция». Биофикция базируется на биографии реального исторического лица, но одной из конститутивных особенностей данной постмодернистской литературной формы является намеренная игра в семантическом поле фактологичности – фикциональность, проявляющаяся разнообразными языковыми механизмами выражения интертекстуальности и интердискурсивности.

Соответственно, целью нашего исследования является попытка проанализировать роль интердискурсивности при моделировании образа Петербурга в постмодернистском англоязычном биофикциональном дискурсе.

Методология и источники. К настоящему моменту в лингвистике сложился целый ряд подходов к дискурсивному анализу текста, из которых для наших целей наиболее релевантной оказалась методика, разработанная В. Е. Чернявской [2, с. 126–150]. Эта методика подразумевает два ключевых этапа. Задачей первого этапа является установление тематической связанности текста посредством лексико-семантического анализа. На втором этапе выявляются следы и проекции различных дискурсов, переключающих сознание реципиента в другую систему знаний и кодов, и устанавливается дискурсивная связанность. Маркерами включения иного дискурса служат как языковые средства, так и «операциональные стратегии тематического развертывания» [2, с. 131].

Эмпирической базой исследования послужил текст англоязычного постмодернистского романа-биофикции М. Брэдбери «To the Hermitage» («В Эрмитаж»), повествующего о двух реально состоявшихся путешествиях в Россию. Первая поездка была предпринята Дени Дидро по приглашению Екатерины Второй в XVIII в., вторая экспедиция состоялась во время перестройки в рамках научного конгресса «Diderot Project» («Проект Дидро»).

Результаты и обсуждение. М. Брэдбери известен своей игровой манерой повествования, стилистической доминантой которого является ирония, реализуемая в том числе благодаря широкому использованию стратегии целенаправленно инсценируемой интердискурсивности.

Роман-биофикция «To the Hermitage», представляя собой художественное повествование, соотносится с литературно-художественным дискурсом и обладает характерными для него дискурсивными и текстовыми признаками: нарративностью и литературностью [1], т. е. имеет фабулу (события из жизни Дидро и современной научной экспедиции) и сюжет (определенный порядок расположения событий, переплетение двух линий повествования и пространственно-временная организация текста, отражающие авторскую точку зрения), которые фикционально представлены в жанре романа. Художественный дискурс актуализируется использованием языковых средств в эстетической функции: эпитетами, метафорическими образами, разнообразными видами повторов, параллельными конструкциями, аллитерацией, перифразом и иронией, а также разнообразием лексических и синтаксических средств, в том числе широким использованием эмоционально окрашенной лексики и многозначных слов, создающих подтекст и реализующих установку автора на «рефлексивную игру» [11, с. 76]. Приведем лишь один характерный пример, расположенный в сильной позиции начала романа: «*He's old, but he's done it; and the sheer fact of his arrival in Petersburg, his sudden appearance at the great Court of the North, is itself prodigious, one of the little wonders of the world*» [15, с. 1]. В приведенном отрывке маркерами художественного дискурса являются эпитеты *sheer, sudden, great, prodigious*, перифраз *Petersburg – Court of the North*, синонимические повторы: *his arrival – his sudden appearance, prodigious – one of the little wonders*, метафорический образ-аллюзия *one of the little wonders of the world*, элементы аллитерации и ассонанса: *He's old, but he's done it* и *one of the little wonders of the world*, а также синтаксическая сложность представленного предложения. Многозначность реализуется благодаря многоуровневой структуре текста.

На поверхностном уровне этот отрывок представляет удивительный приезд Дидро в Петербург одним из чудес света, но благодаря иррадиации стилистической функции [6, с. 160] в воспринимающем сознании чудесное появление (*appearance*) распространяется и на Петербург, который также становится референтом метафоры *one of the little wonders of the world*. Ирония – неотъемлемый компонент коммуникативно-творческой стратегии М. Брэдбери, базируется на актуализации нескольких смыслов атрибутива *prodigious*: 1) вышеназванное «causing amazement or wonder» и 2) «extraordinary in bulk, quantity, or degree: ENORMOUS», подразумевающее чрезмерность – «felt as going far beyond a previous maximum (as of goodness, greatness, intensity, or size)» и имплицитное оценочное номинальное значение из дальнейшего текста абзаца *the Orthodox pomp*. Проспективный характер эпитета *prodigious* проявляется в потенциальном, но не раскрываемом в данном контексте значении «resembling or befitting a prodigy: STRANGE, UNUSUAL» (все определения [16]). Однако в последующем повествовании эпитет *strange* становится одним из устойчивых определений Петербурга, отражая индивидуально-авторское видение русского города: *that strangest of all cities* [15, с. 23], *the world's strangest water-city* [15, с. 41], *the heartland city so strangely stuck out here* [15, с. 65].

При анализе дискурсного пространства художественного текста выявляются как «центральные текстоформленные» дискурсы, так и включения «периферийных» дискурсов [1, с. 122–129], а задачей исследователя является расшифровка общего смысла текста, пропускающего из «сплетения внутритекстовых связей и его широкого экстралингвистического фона» [2, с. 145].

Одним из центральных дискурсов биофикции «To the Hermitage» выступает англоязычный дискурс описания русской культуры, в том числе русской истории, представленный диахронически двумя дискурсными формациями: ТОГДА (THEN) – времена правления Екатерины Второй (в частности, 1773 г.) и СЕЙЧАС (NOW) – трагические события сентября–октября 1993 г. вследствие внутривластной конфронтации. При описании внешней для английского языка русской культуры его словарный состав адаптируется «в соответствии со спецификой внешней культуры» [17, с. 7]: появляются особые наименования, передающие ее специфические реалии – так называемые русизмы, роль которых в биофикциональном повествовании, так же, как и в исторической беллетристике [18, с. 92], заключается в создании подлинного культурно-исторического фона.

С первых страниц романа Брэдли искусно создает русский культурный контекст, насыщая описание Петербурга маркерами русской культурной ориентации: *the Hermitage, the Winter Palace, the Neva, Tzar, Tzarina, boyars, Don Cossacks, hussars, the Empress's White Guard, Smolny Academy for Noble Girls, the Orthodox church, the Nevsky Prospekt* [15, с. 1–23], которые свидетельствуют о естественной интердискурсивности художественного текста, одновременно позволяя автору реализовать установку на аутентичное моделирование фактографической составляющей образа русского города.

Как известно, субъектно-речевая организация художественного дискурса репрезентует мировидение автора художественного текста, «отражающего определенные идейно-художественные взгляды, которые находят воплощение в словесно-речевой структуре произведения» [19, с. 12] и актуализируются в том числе при помощи стратегии монтажа дискурсов. Позволим себе привести несколько многословный, но очень характерный пример. Гомодиегетический повествователь, подготовившись к поездке в Россию и прочитав книгу французского посла при дворе Екатерины II графа Сегюра, а также собрав мнения современных путешественников, рассуждает о российской экономике:

Even at that date, he [Comte de Segur] was struck by the unusual nature of the Russian economy. "Here one must forget the rules of finance one learns in other countries," he noted. "The mass of banknotes, the realization that there are no reserves to back them, the use of strange and unusual coinages, the kind of thing that in other lands would bring collapse or revolution, here cause no surprise at all. The great Empress Catherine could, I've no doubt, turn leather into money should she wish." Well, plus ça change; as it was, so it is now. To this day the rouble is a strange, part-convertible currency, a set of roguish numbers, a con man's fancy that has never truly replaced barter in silks and camels, icons, part-worn dresses, Turkish drugs, old lampshades, surplus nuclear missiles, loaves and fishes, live and dead souls. In the hard heyday of Communism, the special shops for the nomenklatura traded, of course, in dollars <...>. Now, in the fine new free-market era, when the nomenklatura prefers to see itself as the mafia, no smart Russian hotelier, sommelier, blackmailer, bribe-taker or capitalist oligarch would dream of trading in anything else. <...>.

These days nobody in Russia knows what money is worth; they just know it's a mad and ridiculous invention no one can get enough of. That's why it will be difficult to make a fair and reliable exchange in the grand and noble banks of Petersburg [15, с. 15–16].

Анализируемый отрывок предстает как точка взаимоналожения нескольких дискурсов, в первую очередь экономического и исторического, каждый из которых отчетливо выделяется в текстовой ткани. Лексическими маркерами экономического дискурса являются прототипические единицы *economy, finance, banknotes, reserves, coinages, part-convertible currency, barter, traded/trading, free-market, money, exchange, banks*, а также названия валют *the rouble* и *dollars*. Исторический дискурс представлен маркерами русской культурной ориентации англоязычного текста: *souls, nomenclatura, revolution, Communism*. Далее в тексте можно выделить следы и проекции других дискурсов, рассматриваемых как сегменты человеческой когнитивно-коммуникативной деятельности: разговорного дискурса (восклицания *Well, of course*), российских социально-исторического (*mafia, blackmailer, bribe-taker, capitalist oligarch*) и военно-политического (*nuclear missiles*) дискурсов.

За счет разнообразных стилистических приемов – перечисления (*silks and camels, icons, part-worn dresses, Turkish drugs, old lampshades, surplus nuclear missiles, loaves and fishes, live and dead souls*), параллельных конструкций, литературной аллюзии (*dead souls*) и иронии, а также обилия лексических единиц с оценочной, чаще всего негативной, коннотацией: двукратное повторение *unusual* и *strange* (ср. с *prodigious* 3. «resembling or befitting a prodigy: STRANGE, UNUSUAL» [16]), *struck by, collapse, roguish, a con man's fancy, fine, (no) smart, mad, ridiculous, difficult, fair, reliable, grand* и *noble*, – Брэдбери, широко используя лингвистические средства, характерные для другого типа дискурса, придает своему описанию российской экономики большую выразительность и экспрессивность, таким образом вызывая эмоциональный отклик у читателя.

По мнению З. М. Чемодуровой, неизменным компонентом интерпретационной программы, заложенной автором постмодернистского текста, является возникновение когнитивного диссонанса [20], обусловленного в данном фрагменте включением в англоязычный текст, ориентированный на описание русской культуры, элемента французского разговорного дискурса (*plus ça change*). Вместе с тем усиленный графическим выдвиганием этот элемент служит средством глобальной связанности, представляет собой интертекстуальную отсылку к протагонисту исторической повествовательной линии – французскому философу Д. Дидро, и одновременно привлекает внимание читателя к выводу автора об историческом постоянстве хаоса в российской экономике.

На композиционном уровне также наблюдается игровое пересечение дискурсов: в дискурс повествователя от первого лица, представляющий собой ироничный краткий исторический обзор российской экономики, включается цитата из книги графа Сегюра. Не называя конкретного источника (*a book*) и таким образом вызывая сомнение в подлинности цитаты, Брэдбери в характерной для постмодернизма манере вовлекает читателя в игру в семантическом поле фактографичность–фикциональность.

Текстовое целое создается из переплетения различных дискурсов, которые актуализируются благодаря использованию соответствующих прототипических лексических компонентов, переключающих сознание адресата в «иное ментальное пространство», где оно «начинает “работать” с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке и интерпретации данного в тексте содержания» [5, с. 109]. Таким образом, автор использует стратегию инсценируемой интердискурсивности с целью «персуазивного, в той или иной степени манипулятивного воздействия» на воспринимающее сознание [Там же].

В анализируемом отрывке обращает на себя внимание выбранная Брэдбери дескриптивная стратегия тематического развития. Мастерски переплетая инодискурсные элементы, автор фокусирует внимание читателя на описании России и российской действительности. Многократное повторение этнонима *Russian/Russia*, использование ксенонимов (*Empress Catherine, rouble, souls* (= «serfs, esp. with reference to the feudal system of Tsarist Russia» [21]), *Communism, nomenklatura, Petersburg*), передающих реалии русской жизни, и других лингвистических маркеров русской культурной локализации текста (*icons, nuclear missiles, mafia, oligarch*) в сочетании с этнонимом *Turkish* и тематическими единицами *in silks and camels* активизирует в читательском сознании представление о России как об азиатской стране. С помощью различных механизмов прагматического фокусирования: конвергенции стилистических приемов, сцепления, реализуемого в первую очередь анафорическим семантическим повтором темпоральных обстоятельств *Even at that date – To this day – Now – These days*, механизма выдающейся детали в виде неожиданного включения на французском языке, а также иронии (например, *it's a mad and ridiculous invention no one can get enough of* и *it will be difficult to make a fair and reliable exchange in the grand and noble banks of Petersburg*), автор создает у читателя впечатление, что в этой стране во все времена существовали странные, непонятные европейцу правила, касающиеся не только финансово-экономической сферы, но и общественно-политических сторон жизни.

Лексические единицы *revolution, Communism, nuclear missiles, nomenklatura, capitalist oligarch* вербализуют другой центральный дискурс романа-биофикции – политический. Моделируя образ Петербурга, Брэдбери часто запускает механизм переключения сознания адресата из исторической или культурной плоскости в политическое и идеологическое когнитивное пространство. Так, во второй главе несколько страниц посвящены описанию процесса строительства Петром Первым триумфальной столицы на Неве (*a triumphal capital on the Neva* [15, с. 22]), которую он задумал как реплику Амстердама. После перечисления всех запланированных архитектурных и гидротехнических сооружений внимание читателя неожиданно деавтоматизируется за счет включения в историческую часть текста прототипической единицы постсоветского политического дискурса *gulag*, преобразованную в причастие прошедшего времени: «*Swedish slaves and gulaged Russian serfs might have dug the foundations, raised the roofbeams, perished in the Finnish swamplands in their hundreds of thousands*» [15, с. 22]. В девятой главе, посвященной современности, один из персонажей рассказывает анекдот о встрече английского философа Исаяи Берлина, одного из основателей современной либеральной политической философии, с Анной Ахматовой в ее квартире на Фонтанке и добавляет: «*They say Stalin was so angry he started the Cold War*» [15, с. 121]. И выбор главного действующего лица этой мини-истории, и прецедентное имя советского лидера *Stalin*, и лексическая единица *the Cold War* являются сигналами инсценируемой смены дискурса, которые активируют механизм переключения воспринимающего сознания к другой когнитивной системе, связанной с идеолого-политическим противостоянием Запада и Советского Союза – одной из типичных тем политического дискурса 50–80-х гг. XX в.

М. Брэдбери использует стратегию инсценируемой смены дискурса на протяжении всего романа. В тексте биофикционального повествования массивно артикулируются такие

дискурсы, как философский и постмодернистский, а также периферийные дискурсы: академический, музыкальный, русской и зарубежной классической литературы, изобразительного искусства и психоанализа и некоторые другие.

Необходимо отметить и искусную артикуляцию автобиографического дискурса, которая также осуществляется в технике игрового монтажа дискурсов. Как известно, автобиографический модус повествования, отражающий фрагментарность субъекта и стирание онтологических границ между фактом и вымыслом, является неотъемлемым компонентом произведений, созданных в эстетической парадигме постмодернизма [22, с. 118]. Современное повествование ведется от лица писателя и ученого, очень напоминающего самого Брэдбери [23, 24], который с самоиронией представляет себя читателю профессиональным наблюдателем, человеком, предпочитающим размышления действиям: *«I'm a writer: a professionally observant person, one of those collectors of life's little data, an avid thinker of thoughts and a watcher of things»* [15, с. 26], *«I'm a writer: in other words, the sort of person who, by nature, love, vocation, motivation, prefers writing to doing...»* [15, с. 84]. Однако именно протагонист биографической части романа – Дени Дидро – представляется его сыну двойником Мальколма Брэдбери. Во вступительном эссе для сайта, посвященного своему отцу, Доминик Брэдбери, пытаясь подобрать нужные слова, чтобы кратко охарактеризовать его жизненный путь и личность, использует характеристику французского философа из романа *«To the Hermitage»* – сердечный и щедрый, знаменитый и доброжелательный, остроумный и мудрый: *«...he had described his hero, Denis Diderot, with the words "Warm and generous, famous and friendly, witty and wise" [15, с. 1] in his opening line. This was my father; this was Malcolm Bradbury, in a nutshell»* [25]. Фабула современной части повествования основана на реальных автобиографических данных: М. Брэдбери действительно принимал участие в «Diderot Project», организованном Техническим университетом Стокгольма, в рамках которого совершил поездку в Санкт-Петербург [26, с. 1]. Все перечисленное позволяет отнести автобиографический дискурс к одним из центральных текстоформленных дискурсов названного романа-биофикции.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило вывод исследователей (З. М. Чемодуровой, Н. С. Олизько и др.) об интердискурсивной природе постмодернистских художественных текстов. Интердискурсивность является одной из доминантных стратегий текстообразования, используемой автором анализируемого биофикционального повествования, также принадлежащего к постмодернистской парадигме. Стоит отметить, что, поскольку нашей основной задачей являлось определение роли интердискурсивности при моделировании образа Петербурга, за рамками нашего исследования остались некоторые другие интересные особенности междискурсного взаимодействия, характеризующие данный роман, например, использование диалога в текстовой ткани биофикции.

Проведенный анализ позволил установить, что, даже обращаясь к фактологическому историко-культурному, авто- и биографическому материалу, автор-постмодернист использует стратегию смешения дискурсов с целью вовлечения читателя в игру в семантическом поле «правда–вымысел». Игра дискурсов позволяет писателю управлять воспринимающим сознанием, привлекая читательское внимание к эстетическим взглядам и идеологическим установкам, значимым для создателя художественного текста. Этот вывод подтверждается широко

представленными в биофикциональном повествовании прототипическими единицами политического, социально-идеологического и философского дискурсов, которые вербализируются и при моделировании образа русского города, Петербурга. Монтаж дискурсов как авторская стратегия текстопорождения реализуется Брэдбери на глубинном уровне: сознание читателя постоянно переключается в иное когнитивное пространство, актуализируемое соответствующими прототипическими дискурсивными единицами, которые действуют как слова-катализаторы, запускающие механизм перехода в другую ментальную сферу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006.
2. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА, Наука, 2013.
3. Фуко М. Археология знания / пер. с фр.; под ред. Б. Левченко. Киев: Ника-центр, 1996.
4. Филиппова С. Г. Об интердискурсивном характере художественного текста // STUDIA LINGUISTICA. 2013. № XXII. С. 343–351.
5. Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 106–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-i-interdiskurs-kak-realizatsiya-tekstovoy-otkrytosti> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ФЛИНТА, 2010.
7. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. Л. А. Илюшечкиной. М.: Прогресс, 1999. С. 225–290.
8. Белоглазова Е. В. Интердискурсивность // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2 (9–10). С. 359–360.
9. Чемодурова З. М. Интердискурсивность современных публицистических текстов гастрономической тематики // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 801–805.
10. Олизько Н. С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2007. № 15. С. 95–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma> (дата обращения: 20.03.2021).
11. Чемодурова З. М. Игровой «монтаж» дискурсов различных типов в постмодернистском художественном тексте // Вестн. Череповецк. гос. ун-та. 2013. Т. 2, № 1. С. 74–78.
12. Киреева Н. В. Постмодернизм в зарубежной литературе. М.: ФЛИНТА, Наука, 2004.
13. Пестерев В. А. Постмодернизм и поэтика романа: историко-литературные и теоретические аспекты. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
14. Lackey M. Introduction to focus: Biofiction – its origins, natures, and evolutions // American Book Review. 2017. Vol. 39, no. 1. P. 3–4. DOI: <https://doi.org/10.1353/abr.2017.0123>.
15. Bradbury M. To the Hermitage. London: Picador, 2012.
16. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/prodigious> (дата обращения: 20.03.2021).
17. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012.
18. Белоглазова Е. В. Русскоязычные вкрапления в аутентичной англоязычной литературе: к поэтике русизмов в нерусской литературе // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-90-98>.
19. Воронцова Т. И. Картина мира в тексте английской баллады (когнитивная основа и языковая репрезентация): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2003.
20. Чемодурова З. М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 55–64.
21. Oxford English Dictionary online. URL: <https://www.oed.com/oed2/00231475> (дата обращения: 20.03.2021).

22. Gibbons A. Contemporary Autofiction and Metamodern Affect // *Metamodernism: historicity, affect and depth after postmodernism* / ed. by R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. London, N. Y.: Rowman & Littlefield International, 2017. P. 117–130.

23. Merritt S. Paperback of the week: To the Hermitage. Malcolm Bradbury // *The Guardian*. 2001. 11 Mar. URL: <https://www.theguardian.com/books/2001/mar/11/features.review3> (дата обращения: 20.03.2021).

24. Shapiro J. Adventures in Postmortemism // *The New York Times*. 2001. 1 April. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/01/04/01/reviews/010401.01shapirt.html> (дата обращения: 20.03.2021).

25. Bradbury D. Introduction Essay. URL: http://www.malcolmbradbury.com/essay_biography.html (дата обращения: 20.03.2021).

26. Sahin U. On the Trail of Diderot // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2018. Vol. 8, no. 1. P. 1–14. URL: https://www.researchgate.net/publication/339229877_On_the_Trail_of_Diderot (дата обращения: 20.03.2021).

Информация об авторе.

Урусова Надежда Александровна – преподаватель департамента иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-114X>. E-mail: urusova308@gmail.com

REFERENCES

1. Andreeva, V.A. (2006), *Literaturnyi narrativ: tekst i diskurs* [Literary narrative: text and discourse], Norma, SPb., RUS.

2. Chernyavskaya, V.E. (2013), *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of text. Linguistics of discourse], FLINTA, Nauka, Moscow, RUS.

3. Foucault, M. (1996), *Arkheologiya znaniya* [The archeology of knowledge], Transl. by Levchenko, B., in Levchenko, B. (ed.), Nika-Centr, Kiev, Ukraine.

4. Filippova, S.G. (2013), "On the interdiscursive nature of a literary text", *STUDIA LINGUISTICA*, no. XXII, pp. 343–351.

5. Chernyavskaya, V.E. (2004), "Intertext and interdiscourse as a realization of textual openness", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive linguistics issues], no. 1, pp. 106–111, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-i-interdiskurs-kak-realizatsiya-tekstovoy-otkrytosti> (accessed 20.03.2021).

6. Arnol'd, I.V. (2010), *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality], FLINTA, Moscow, Russia.

7. Peshjo, M. (1999), "Common truths. Linguistics, semantics, philosophy", *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Squaring of meaning: the French school of discourse analysis], Transl. by Ilyushechkina, L.A., Progress, MOSCOW, RUS, pp. 225–290.

8. Beloglazova, E.V. (2010) "Interdiscursivity", *Discourse-P*, no. 1–2 (9–10), pp. 359–360.

9. Chemodurova, Z.M. (2020), "Interdiscursivity of Modern Non-Fiction about Gastronomy", *Cognitive Studies of Language*, no. 2 (41), pp. 801–805.

10. Oliz'ko, N.S. (2007), "Interdiscursivity as a category of postmodern writing", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], no. 15, pp. 95–104, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma> (accessed 20.03.2021).

11. Chemodurova, Z.M. (2013), "Playful "montage" of different discourse types in postmodern literary texts", *Cherapovets State University Bulletin*, vol. 2, no. 1, pp. 74–78.

12. Kireeva, N.V. (2004), *Postmodernizm v zarubezhnoi literature* [Postmodernism in foreign literature], FLINTA, Nauka, Moscow, RUS.

13. Pesterev, V.A. (2001), *Postmodernizm i poetika romana: Istoriko-literaturnye i teoreticheskie aspekty* [Postmodernism and the Poetics of the Novel: Historical, Literary and Theoretical Aspects], Izdatel'stvo VolGU, Volgograd, RUS.

14. Lackey, M. (2017), "Introduction to focus: Biofiction – its origins, natures, and evolutions", *American Book Review*, vol. 39, no. 1, pp. 3–4. DOI: <https://doi.org/10.1353/abr.2017.0123>.

15. Bradbury, M. (2012), *To the Hermitage*, Picador, London, UK.

16. *Merriam-Webster Online Dictionary*, available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/prodigious> (accessed 20.03.2021).

17. Kabakchi, V.V. and Beloglazova, E.V. (2012), *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu* [Introduction to Interlinguoculturology], Izdatel'stvo SPbGUEF, SPb., RUS.

18. Beloglazova, E.V. (2019), "Russkij jazyk in native English-language fiction: towards the poetics of russisms in non-Russian literature", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 3, pp. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-90-98>.

19. Vorontsova, T.I. (2003), "Picture of the world in the text of an English ballad (Cognitive basis and linguistic representation)", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, Herzen State Pedagogical University, SPb., RUS.

20. Chemodurova, Z.M. (2019), "Cognitive dissonance as a component of the interpretive program of a postmodern literary text, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive linguistics issues], no. 2, pp. 55–64.

21. *Oxford English Dictionary online*, available at: <https://www.oed.com/oed2/00231475> (accessed 20.03.2021).

22. Gibbons, A. (2017), "Contemporary Autofiction and Metamodern Affect", *Metamodernism: historicity, affect and depth after postmodernism*, in Van den Akker, R., Gibbons, A. and Vermeulen, T. (eds.), Rowman & Littlefield International, London, N.Y., pp. 117–130.

23. Merritt, S. (2001), "Paperback of the week: To the Hermitage. Malcolm Bradbury", *The Guardian*, 11 Mar., available at: <https://www.theguardian.com/books/2001/mar/11/features.review3> (accessed 20.03.2021).

24. Shapiro, J. (2001), "Adventures in Postmortemism", *The New York Times*, 1 April, available at: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/01/04/01/reviews/010401.01shapirt.html> (accessed 20.03.2021).

25. Bradbury, D., *Introduction Essay*, available at: http://www.malcolmbradbury.com/essay_biography.html (accessed 20.03.2021).

26. Sahin, U. (2018), "On the Trail of Diderot", *International Journal of Humanities and Social Science*, vol. 8, no. 1, pp. 1–14, available at: https://www.researchgate.net/publication/339229877_On_the_Trail_of_Diderot (accessed 20.03.2021).

Information about the author.

Nadezhda A. Urusova – Lecturer at the Department of Foreign Languages, Higher School of Economics, 16 Soyuza Pechatnikov str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: cultural linguistics, stylistics, discourse studies. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-114X>. E-mail: urusova308@gmail.com